

УДК 343

Кострова М. Б.,

кандидат юридических наук, доцент, профессор
Института права Башкирского государственного университета,
г. Уфа, Россия

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЫ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА С УЧЕТОМ УКРАИНСКОГО ОПЫТА

Рассмотрены исходные теоретические положения о влиянии языковой формы уголовного закона на его эффективность, доказана допустимость и целесообразность использования позитивного зарубежного опыта для совершенствования языкового выражения нормативных предписаний российского УК. На основе анализа УК Украины выявлено ряд удачных законотворческих решений в части придания точности и ясности языка уголовного закона, обосновано, что украинский опыт в этой части заслуживает пристального внимания российского законодателя.

Ключевые слова. Уголовный закон, язык уголовного закона, сравнительное уголовное право, УК Российской Федерации, УК Украины.

Постановка проблемы. Каждое государство как суверенный субъект международного права свободно в выборе уголовно-правовых средств борьбы с преступностью и их установлении в национальных уголовных законах. Вместе с тем, поскольку преступность в настоящее время носит транснациональный планетарный характер, универсализация национальных уголовно-правовых систем является насущной потребностью современного периода. В связи с этим актуальным направлением современного сравнительного уголовного права является изучение зарубежного опыта, оценка на его основе национального уголовного законодательства, что, в частности, позволяет выявить наиболее оптимальные модели уголовно-правового регулирования и определить направления возможной рецепции норм иностранного уголовного права и (или) заложенных в нем правовых идей. В настоящей публикации обратимся к украинскому опыту придания формальной определенности уголовно-правовым предписаниям, пригодному, как представляется, для заимствования в России.

Целью статьи является уяснение влияния языковой формы уголовного закона на его эффективность и исследование целесообразности использования позитивного зарубежного опыта для совершенствования языкового выражения нормативных предписаний российского УК.

Анализ научной литературы дает основание утверждать, что вопросам исследования уголовного закона, его эффективности было уделено достаточно внимания. Они были предметом уголовно-правового анализа в работах Алексеева С. С., Бабаева В. К., Бажанова М. И., Баулина Ю. В., Кудрявцева В. Н., Кузнецовой Н. Ф., Чучаева А. И. и других.

Изложение материала исследования. Начнем с того, что любое нормативное правовое предписание объективируется в тексте закона или иного нормативного правового акта в языковой форме, соответственно, уголовно-правовые предписания, как разновидность нормативных правовых предписаний, объективируются вовне посредством языковых средств, присущих естественному языку (для России – русскому, для Украины – украинскому), используемых с учетом жанровой принадлежности и стиливых особенностей уголовного закона. Точность и ясность языка уголовного закона, в совокупности с логической, графической и стилистической основами текста уголовного закона, является предпосылкой единообразного уяснения и правильного применения уголовно-правовых норм, формирования единообразной судебной и иной правоприменительной практики по уголовным делам и, как следствие, – позитивного воздействия на преступность. Эффективность уголовного закона, как уже давно доказано, зависит, в том числе, от точности и ясности языкового выражения его норм и нормативных предписаний [1; 2]. Противоположные свойства языка уголовного закона, соответственно, порождают нестабильность и противоречивость судебной и иной правоприменительной практики, затрудняют реализацию отраслевых функций, совокупность которых определяет функциональное предназначение уголовного права – противодействие преступности.

Между тем детальный анализ текста Уголовного кодекса РФ 1996 года [3] (далее – УК РФ), изучение динамики и структуры правоприменительных ошибок, а также научных дискуссий о содержании практически каждого уголовно-правового предписания позволяет констатировать, что идеальная модель языка российского уголовного закона пока далека от реальности. В частности, можно указать на использование в УК РФ множества терминов, не обладающих такими необходимыми признаками, как наличие

строго фиксированного содержания и легальной дефиниции, что вынуждает правоприменителей искать авторитетные ориентиры в их определении, обращаясь к праворазъяснительной практике Конституционного и Верховного судов РФ, к судебному прецеденту либо к доктрине уголовного права. На этом фоне Уголовный кодекс Украины 2001 года [4] (далее – УК Украины) является гораздо более «дефинированным», чем УК РФ, включая законодательные определения ряда основополагающих отраслевых понятий – «субъект преступления», «специальный субъект преступления» (ч. 1 и 2 ст. 18), «вменяемость» (ч. 1 ст. 19), «вина» (ст. 23). Имеется также в УК Украины значительное количество законодательных определений сложных для уяснения понятий более частного характера, к примеру, «малозначительность деяния» (ч. 2 ст. 11), «преступление, совершенное на территории Украины» (ч. 2 ст. 6), «длющееся преступление» (ч. 2 ст. 32), «необходимая оборона» (ч. 1 ст. 36), «мнимая оборона» (ч. 1 ст. 37). Дефиниции перечисленных понятий (за исключением «преступление, совершенное на территории») необходимы, как думается, и в российском УК. Одни – в силу основополагающего отраслевого значения («субъект преступления», «вменяемость», «вина»), другие – для перехода от «латентного» нормотворчества Пленума Верховного Суда РФ к легитимному аутентическому («мнимая оборона», «длющееся («продолжаемое») преступление»). Но самое главное их предназначение – прагматическое, что можно проиллюстрировать на ряде примеров.

Пример первый. В России понятие «продолжаемое преступление» (и, соответственно, его определение) не является законодательным, оно выработано на уровне доктрины уголовного права и праворазъяснительной практики Пленумов Верховного Суда СССР и РФ. Поэтому российские суды, квалифицируя содеянное как продолжаемое преступление (либо наоборот, признавая невозможной такую квалификацию), ссылаются не на УК РФ, а на правовую позицию Пленума Верховного Суда РФ. Так, изменяя состоявшиеся в отношении Мазура Р.П. судебные решения и переквалифицируя его действия с ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 161 УК РФ на ч. 1 ст. 161 УК РФ, поскольку они носили однотипный характер, осуществлялись в одном месте, в одно время и в отношении имущества, принадлежавшего одному потерпевшему, Верхов-

ный Суд РФ мотивировал это следующим: «Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление (п. 16 Постановления Пленума от 27.12.2002 № 29 (ред. от 23.12.2010) "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое")» [5]. Заметим, что такая ситуация является недопустимой с позиции принципа законности, закрепленного в ст. 3 УК РФ. И ее вполне можно было бы избежать, имея законодательную дефиницию понятия «продолжаемое преступление» – аналога украинского «длящегося преступления», которое определяется в ч. 2 ст. 32 УК Украины как «состоящее из двух или более тождественных деяний, объединенных единым преступным умыслом», здесь же закреплено, что при этом повторность преступлений отсутствует.

Пример второй. Также в российском УК отсутствует понятие «мнимая оборона» (и, соответственно, его определение) и не имеется никаких правил, на основе которых должна осуществляться уголовно-правовая оценка действий «мнимо обороняющегося». В то же время всё это содержится в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», и суды в своих решениях ссылаются на него, а не на УК РФ. Так, суд квалифицировал действия Медведева по ч. 1 ст. 118 УК РФ как причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, указав: «... причинение тяжкого вреда здоровью Потерпевший № 1 было совершено... в ситуации «мнимой» обороны... По мнению суда... были определенные основания для заблуждения в наличии реального общественно опасного посягательства. Однако... данные основания нельзя признать достаточными для вывода о наличии реального общественно опасного посягательства, в связи с чем согласно абзацу 3 пункта 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» его действия следует квалифициро-

вать как совершенные по неосторожности» [6]. Верховный Суд РФ согласился с данной квалификацией, что обосновано так: «...Медведев... не осознавал, что реальное общественно опасное посягательство на него... отсутствовало и лишь ошибочно в силу сложившейся ситуации... предполагал наличие такого посягательства, его действия суд расценил как мнимую оборону. По смыслу закона, если при мнимой обороне лицо, причиняющее вред мнимому посягателю, не сознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, ответственность за причиненный вред наступает как за неосторожное преступление. При таких обстоятельствах уголовный закон при квалификации действий Медведева ВС. по ч. 1 ст. 118 УК РФ судом применен правильно» [7]. И эта ситуация является недопустимой с позиции принципа законности, и ее тоже вполне можно было бы избежать, имея законодательную дефиницию понятия «мнимая оборона» и установленные на законодательном уровне правила ее уголовно-правовой оценки, рассчитанные на разные ситуации, как это сделано в ст. 37 УК Украины.

Пример третий. Согласно ч. 2 ст. 14 российского УК не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. С точки зрения точности и ясности языкового выражения данного нормативного предписания в нем не хватает уточнения, подобного имеющемуся в ч. 2 ст. 11 УК Украины, – содержательного описания малозначительности деяния: «... то есть не причинило и не могло причинить существенного вреда физическому либо юридическому лицу, обществу или государству». Следует отметить, что первоначальная редакция ч. 2 ст. 14 УК РФ тоже раскрывала понятие малозначительности деяния, как «не причинившего вреда и не создавшего угрозы причинения вреда личности, обществу или государству». Но Федеральным законом от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ выделенные курсивом слова были исключены, что привело к потере ориентиров для практики. К примеру, при растрате Г. денежных средств МУП «А.» в сумме 2 000 рублей [8], а при растрате М.М. денежных средств муниципального казенного общеобразовательного

учреждения в сумме 1 500 рублей [9] содеянное в обоих случаях было квалифицировано по ч. 3 ст. 160 УК РФ как хищение чужого имущества, вверенного виновному, с использованием своего служебного положения. В последующем оба судебных решения были отменены с прекращением производства по делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления с признанием за осужденными права на реабилитацию, при этом вышестоящие суды мотивировали свои решения следующим: «... небольшой объем материального ущерба, отсутствие в материалах дела доказательств, подтверждающих причинение действиями Г. существенного вреда предприятию МУП «А.», не позволяют сделать однозначный вывод о достаточной общественной опасности действий Г. для признания их преступлением, а свидетельствуют о малозначительности деяния» [8]; «...по смыслу закона деяние, формально подпадающее под признаки того или иного вида преступления, должно представлять собой достаточную степень общественной опасности, которая свидетельствует о способности деяния причинить существенный вред общественным отношениям. Фактические обстоятельства совершенного М.М. деяния и небольшой объем материального ущерба не позволяют сделать однозначный вывод о том, что содеянное М.М. обладает признаками достаточной общественной опасности, которая бы позволила признать содеянное им преступлением» [9].

Помимо отмеченной выше более основательной дефинитивности в УК Украины, можно обнаружить и более удачные, по сравнению с УК РФ, формулировки уголовно-правовых предписаний. Не имея возможности их полного освещения, в качестве иллюстративных примеров остановимся только на двух из них.

Так, ч. 3 ст. 28 УК Украины предусмотрено: «Преступление признается совершенным организованной группой, если в его приготовлении или совершении участвовало несколько лиц (три и более), которые заранее организовались в устойчивое объединение для совершения этого и другого (других) преступлений, объединенных единым планом с распределением функций участников группы, направленных на достижение этого плана, известного всем участникам группы». Это нормативное предписание представляется в большей степени соответствующим тре-

бованиям точности и ясности языка уголовного закона, чего нельзя сказать о российском варианте: «Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений» (ч. 3 ст. 35 УК РФ). Отсутствие здесь существенных признаков, характеризующих устойчивость, переводит этот главный отличительный критерий организованной группы, позволяющий отграничить ее от группы лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 35 УК РФ), в разряд оценочных понятий, то есть имеющих неточное значение, в результате чего правоустановление их содержания предоставляется конкретному правоприменителю [10, с. 113]. Вместе с тем нельзя не учитывать, что при казуальном толковании норм имеет место субъективный фактор – профессиональное правосознание лица, применяющего уголовно-правовые нормы. По характеристике Грачевой Ю. В.: «Правосознание... неизбежно проявляется и в процессе толкования закона, особенно в тех случаях, когда закон не дает окончательного определения того или иного признака состава преступления, а в судебных решениях его содержание не прокомментировано с однозначной определенностью... Причина, влияющая на выбор того или иного решения, помимо установленных обстоятельств по делу, видимо, кроется в личности правоприменителя: в уровне его знания норм как уголовного права, так и норм смежных отраслей права, судебной практики не только по конкретным делам, но и разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ; в профессиональном опыте; в совокупности правовых чувств, ценностных ориентаций, настроений, желаний и переживаний, характерных для личности (конкретного человека), и, возможно, даже в социальных условиях его жизнедеятельности» [11, с. 146–148].

Соответственно, из-за отсутствия законодательного определения понятия «устойчивость» разные правоприменители вкладывают в него разный смысл. Например, органами следствия Лепешкина Т. А. и Зарубаев Е. А. обвинялись в мошенничестве с вменением квалифицирующего признака «совершение организованной группой», однако суд признал, что «...мошенничество в отношении Ф. было совершено по предварительному сговору группой лиц с распределением ролей, а не в

составе организованной группы», обосновав это, в частности, следующим: «... стороной обвинения не предоставлено достаточно доказательств, свидетельствующих о стабильности группы, тесной взаимосвязи ее членов, согласованности их действий, постоянстве форм и методов преступной деятельности. В обвинительном заключении отсутствует указание на обстоятельства, которые свидетельствовали бы об устойчивости, сплоченности группы. Под устойчивостью группы понимается наличие постоянных связей между ее членами и деятельность по подготовке и совершению преступлений» [12]. Подобные решения не являются редкостью в российской правоприменительной практике [13]. Стоит подчеркнуть, что даже на уровне праворазъяснительной практики Пленума Суда РФ единообразное толкование отсутствует: Пленум Верховного Суда РФ неоднократно давал разъяснения понятия «устойчивость», конкретизируя образующие его признаки, но при этом в разных постановлениях Пленума эти конкретизирующие признаки разные, в частности, в одних есть указание на обязательность наличия организатора [14; 15; 16; 17], а в других такое указание не содержится [18; 19; 20].

Такое положение никак не согласуется с отраслевыми и конституционно-правовыми принципами законности и равенства граждан перед законом и судом, а также с вытекающим из них требованием формирования единообразной судебной практики по уголовным делам на всей территории России, поэтому оно требует корректировки, что возможно, в том числе, с учетом позитивного зарубежного опыта.

В качестве второго примера можно привести более удачные, по сравнению с российским УК, формулировки нормативных предписаний о необходимой обороне, содержащиеся в ч. 1, 3, 5 ст. 36 УК Украины: «Необходимой обороной признаются действия, совершенные в целях защиты охраняемых законом прав и интересов... от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, *необходимого и достаточного в данной обстановке для незамедлительного предотвращения либо пресечения посягательства*»; «Превышением пределов необходимой обороны признается *умышленное причинение посягающему тяжкого вреда*, явно не соответствующего опасности посягательства *или обстановке защиты*. Превышение пределов

необходимой обороны влечет уголовную ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных в статьях 118 и 124 настоящего Кодекса»; «Не является превышением пределов необходимой обороны и не имеет последствием уголовную ответственность применение оружия или каких бы то ни было иных средств или предметов для защиты от нападения вооруженного лица или нападения группы лиц, а также для предотвращения противоправного насильственного вторжения в жилище либо другое помещение, независимо от тяжести вреда, причиненного посягающему». В выделенной курсивом части языковая форма выражения нормативных предписаний о необходимой обороне УК Украины гораздо больше соответствует требованиям ясности и доступности языка уголовного закона для их основных адресатов, каковыми являются «обычные люди» – «не-юристы». В то же время ст. 37 УК РФ о необходимой обороне перенасыщена специальными терминами, обозначающими уголовно-правовые понятия, – «посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни... либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» (ч. 1) и «посягательство, не сопряженное с насилием, опасным для жизни... либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» (ч. 2), даже юристу, как теоретика, так и практику достаточно сложно уяснить, что из себя представляет посягательство, обозначенное в ч. 2 ст. 37 УК РФ. Для «обычного человека», не читающего постановления Пленума Верховного Суда РФ, остается неясным, по каким правилам можно защищаться от, например, посягательства на неприкосновенность жилища, а практика решает этот вопрос следующим образом: «...суд... приходит к выводу, что на момент совершения инкриминируемого Усачеву В. А. деяния тот вправе был защищать свою личность и жилище от общественно опасного посягательства, поскольку... П.И.А. проник к нему в квартиру и схватил его за шею... Вместе с тем, в соответствии с положениями ч. 2 ст. 37 УК РФ обороняющееся лицо не должно допускать умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. К этому суд относит нанесение Усачевым В. А. ножевого ранения П.И.А. в жизненно важный орган – спину (ближе к позвоночнику) и расценивает действия Усачева В. А., как превышение пределов необходимой обо-

роны... его действия надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 114 УК РФ, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны» [21]. Таким образом, сложное даже для юриста деление посягательств на два вида, отсутствие четко выраженных в языковой форме, понятных «обычным людям» правил защиты от посягательств второго вида приводят к тому, что в России обороняющийся достаточно часто сам становится преступником.

Выводы. В целом все вышеизложенное позволяет заключить, что в УК Украины обнаруживается целый ряд удачных законотворческих решений в части языкового выражения уголовно-правовых предписаний, в связи с чем украинский опыт в обозначенной части заслуживает пристального внимания российского законодателя.

Список использованных источников

1. Кузнецова Н. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона. *Социалистическая законность*. 1973. № 9. С. 29–33.
2. Кострова М. Б. Язык уголовного закона. *Уголовное право. Общая часть. Преступление: академический курс: в 10 т. Т. IV. Уголовный закон. Законодательная техника / под ред. Лопашенко Н. А.* Москва: Юрлитинформ, 2016. С. 547–603.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ). *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.08.2017).
4. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III 2052-VIII. *Информационная система «КОНТИНЕНТ»*. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 12.08.2017).
5. Надзорное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 февраля 2013 г. № 53-Д12-33. URL: доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Приговор Заводского районного суда г. Кемерово от 23 декабря 2016 г. по делу № 1-859/2016. *База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ»*. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/0WqG2swL4vxw/> (дата обращения: 12.08.2017).
7. Постановление Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 24 августа 2017 г. № 81-УД17-8. *Официальный сайт Верховного Суда РФ*. URL: http://www.vsrfl.ru/stor_pdf.php?id=1571250 (дата обращения: 30.08.2017).

8. Постановление президиума Пермского краевого суда от 22 июля 2016 г. № 44у-135. *Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2016 г.* (утв. президиумом Пермского краевого суда 10 марта 2017 г.). URL: доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Постановление Президиума Верховного суда Республики Дагестан от 2 ноября 2016 г. № 44У-104/2016. URL: доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Кобзева Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе / под ред. Лопашенко Н. А. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. 228 с.

11. Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законоотворчества, теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2011. 535 с.

12. Приговор Иркутского областного суда от 6 апреля 2015 г. по делу № 2-12/2015. *База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ»*. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/7WwIVgF155j/> (дата обращения: 12.08.2017).

13. Приговор Курганского областного суда от 11 декабря 2015 г. по делу № 2-22/2015. *База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ»*. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/YS2vTv1qbnU8/> (дата обращения 12.08.2017).

14. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 6 февраля 2007 г. № 7, от 23 декабря 2010 г. № 31, от 3 марта 2015 г. № 9, от 24 мая 2016 г. № 23, от 16 мая 2017 г. № 17, п. 15). *Официальный сайт Верховного Суда РФ*. URL: <http://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 16.08.2017).

15. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 (в ред. от 26 мая 2015 г. № 19, п. 19). *Официальный сайт Верховного Суда РФ*. URL: <http://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 16.08.2017).

16. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51, п. 23. *Официальный сайт Верховного Суда РФ*. URL: <http://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 16.08.2017).

17. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 3 декабря 2013 г. № 33, п. 16).

Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 16.08.2017).

18. О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (в ред. от 6 февраля 2007 г. № 7, от 3 апреля 2008 г. № 4, от 3 декабря 2009 г. № 27, от 3 марта 2015 г. № 9, п. 10). *Официальный сайт Верховного Суда РФ*. URL: <http://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 16.08.2017).

19. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (в ред. от 3 ноября 2016 г. № 41, п. 6.). *Официальный сайт Верховного Суда РФ*. URL: <http://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 16.08.2017).

20. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1, п. 4. *Официальный сайт Верховного Суда РФ*. URL: <http://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 16.08.2017).

21. Приговор Черногогорского городского суда Республики Хакасия по делу №1-24/2015 от 18 февраля 2015 г. *База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ»*. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ZpzqGtYIYIVV/> (дата обращения: 12.08.2017).

Кострова М. Б.

ДЕЯКІ НАПРЯМКИ ВДОСКОНАЛЕННЯ МОВНОЇ ФОРМИ РОСІЙСЬКОГО КРИМІНАЛЬНОГО ЗАКОНУ З УРАХУВАННЯМ УКРАЇНСЬКОГО ДОСВІДУ

Розглянуто вихідні теоретичні положення про вплив мовної форми кримінального закону на його ефективність, доведено допустимість і доцільність використання позитивного зарубіжного досвіду для вдосконалення мовного вираження нормативних приписів російського КК. На основі аналізу КК України виявлено низку вдалих законотворчих рішень у частині надання точності та ясності мови кримінального закону, обґрунтовано, що український досвід у цій частині заслуговує пильної уваги російського законодавця.

Ключові слова: кримінальний закон, мова кримінального закону, порівняльне кримінальне право, КК Російської Федерації, КК України.

Kostrova M. B.

ABOUT WAYS TO IMPROVE THE VERBAL LANGUAGE OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW CONSIDERING THE UKRAINIAN EXPERIENCE

The article deals with the initial theoretical position concerning the influence of the verbal form of Criminal Law on its effectiveness. The article also proves the admissibility and practicability of applying the positive foreign experience in order

to improve the verbal expression of regulatory direction of Criminal Code of the Russian Federation. According to the analysis of Criminal Code of Ukraine some successful lawmaking decisions in order to make the language of Criminal law more clear and precise is proved. The relevant Ukrainian experience is worth deliberate attention of Russian lawmakers.

It is difficult even for a lawyer to subdivide encroachments on two types, the lack of clearly expressed in language form, understandable to "ordinary people" rules of protection against encroachments of the second kind lead to the fact that in Russia the defender himself often becomes a criminal.

In general, all of the foregoing allows us to conclude that a number of successful legislative decisions are found in the Criminal Code of Ukraine in terms of linguistic expression of criminal and legal regulations, and therefore, Ukrainian experience in this part deserves close attention of the Russian legislator.

Key words: Criminal Law as the language of Criminal Law, Comparative Criminal Law, Criminal Code of the Russian Federation, Criminal Code of Ukraine, lawmaking decisions.

УДК 343.97

Філей Ю. В.,

декан юридичного факультету Запорізького національного
технічного університету, м. Запоріжжя

ПРИЧИНИ, УМОВИ ТА ЗАПОБІГАННЯ ЗАГАЛЬНОКРИМІНАЛЬНИЙ КОРИСЛИВИЙ ЗЛОЧИННОСТІ

У статті наголошено на необхідності виявляти закономірності злочинності, її причини та умови з метою вироблення найбільш ефективних заходів протидії цьому негативному, асоціальному явищу.

Зазначено, що безкарність, поряд зі швидкістю і відносною легкістю придбання досить великих матеріальних коштів, завдяки корисливим злочинам, стимулює кримінальне зараження суспільства.

Константовано, що у суспільстві з високим рівнем злочинності величезні кошти витрачаються на системи охорони людей, майна, громадського порядку, на забезпечення системи викриття і покарання численних злочинців. І все менше коштів залишається на освіту і культуру. У результаті така ситуація призводить до становлення на злочинний шлях все нових і нових людей і до розширення правоохоронної системи, витрат на неї дедалі масштабніших коштів.

Ключові слова: загальнокримінальна корислива злочинність, причини та умови злочинності, запобігання злочинам.

Постановка проблеми. Перелік злочинів не такий вже і різноплановий у різних державах і в різні історичні періоди. Посягання на життя та здоров'я, честь та гідність, конституційний устрій, громадський порядок, порядок виконання службових по-